

Т. Анищук

«Стряхнуть пыль забвения...»

У. Г. Гердеру (1744—1803), великому немецкому просветителю и гуманисту, принадлежит выдающееся место в становлении и развитии немецкой национальной литературы. Он был последователем Лессинга и продолжил многие его идеи, но при этом оставался самостоятельным мыслителем, поставившим новые вопросы, решение которых стало настоятельной потребностью для консолидации немецкой нации. Его воздействие на современников было столь глубоким, что ни поэзия великих Гёте и Шиллера, ни романтическая школа, ни философия Шеллинга и Гегеля не были бы возможны без Гердера¹. Новаторство Гердера по достоинству оценил Гёте в «Поэзии и правде»: «Поэзия открылась мне теперь с иной стороны, чем раньше, наполненная совсем иным смыслом, и именно таким, который многое говорил мне. Поэтическое искусство евреев, весьма остроумно трактованное Гердером, так же как и его предшественником Лаутом, народная поэзия, истоки которой он заставлял нас отыскивать в Эльзасе, древнейшие памятники устного творчества — все это свидетельствовало о том, что поэзия — дар, свойственный всему миру и всем народам, а не частное наследственное владение отдельных тонких и образованных людей. Я с жадностью глотал все это, и чем я становился восприимчивее, тем щедрее становился Гердер и тем более интересные часы проводили мы вместе... Содержание этих немногих недель нашей совместной жизни было так богато, что я смело могу сказать: все в дальнейшем осуществленное Гердером тогда уже было намечено в зачатке, мне же на долю выпало счастье пополнить, расширить, увязать с более высокими проблемами все, о чем я до сих пор думал, что изучал и усваивал»².

Величайшее достижение Гердера — историзм — рассмотрение всех явлений в их временной и взаимной обусловленности. Принцип историзма позволил Гердеру рассматривать явления не изолированно, а в общем процессе развития, от изначальных форм, от их исторического возникновения. Развитие для Гердера лишь там имеет место, где внутренняя взаимосвязь между старым и новым очевидна, когда одна историческая эпоха

по необходимости, а не случайно вытекает из другой и развивается в доселе исторически неизвестной форме.

Этим открытием Гердер заложил основу многих наук, наметил для них исходную точку. Особенность мышления Гердера проявилась и в том внимании, которое он уделил литературе как национальному феномену. Литература, как и язык, — продукт исторического развития, явление конкретно-исторического характера, национальная литература — продукт многовекового развития того или иного народа.

Гердер впитал прогрессивные идеи эпохи Гамана, Лессинга, Винкельмана. Он получил от них решающий стимул для разработки эстетических задач под историческим углом зрения. Он во многом превзошел своих учителей, в частности Винкельмана, когда утверждал, что ошибка — видеть в Греции единственный источник европейской культуры. Чему следует учиться у греков, так это органической переработке и переплавке ценных чужих элементов в формах, соответствующих сущности народного национального своеобразия. «Это основа в нити истории искусства: как и греки, впитать некоторые чужие выдающиеся идеи и превратить их в прекрасный элемент собственной культуры»³. Это открытие имело ряд выдающихся последствий для развития единого немецкого национального самосознания.

1. Каждую культуру необходимо изучать не изолированно, а во взаимодействии с другими культурами. Гердер заложил основы сравнительного рассмотрения литературы во всем многообразии.

2. Следует рассматривать культурно-художественное своеобразие каждого народа изнутри, в исторической обусловленности. На протяжении всего своего творчества Гердер указывал на взаимосвязь истории и литературы.

3. Плодотворно не ученическое подражание общепринятым образцам, а критическое отношение к тому, что достойно усвоения. Но основой дальнейшего культурного развития являются прежде всего ценные национальные традиции.

Исторический взгляд позволил Гердеру по-новому определить место поэтов — современников Крестьянской и Тридцатилетней войн. Важнейшими свидетельствами являются его сочинения о Гуттене, Векерлине и Бальде.

Гердер планировал написать систематизированную историю развития немецкой литературы, но замысел остался нереализованным. Он был первым активным популяризатором поэзии XVII века. Программным заявлением можно считать намерение Гердера «познакомиться со старыми, частично забытыми немецкими поэтами и по крайней мере для себя стряхнуть с них пыль забвения». Эти намерения Гердер изложил в письме к И.Я. Оберлину от 19 июня 1779 года с просьбой оказать поддержку в ра-

зыскании старинных публикаций. Просьба была связана с именем Векерлина, со стихами которого он «давно уже сильно желал» познакомиться.

Анализ кратких заметок, предпосланных Гердером большинству песен из его сборника «Народные песни» (1778—1779), и в частности характеристик некоторых поэтов XVII века (Векерлин, Дах, Опиц, Рист, Флеминг), свидетельствует о том, что Гердер намеренно включил их в свой сборник, объясняя причины необходимостью популяризации забытых имен и возрождения литературной традиции: «Я кое-чем охотно пожертвовал, чтобы поместить некоторые вещи старинных поэтов, хотя бы по одной от каждого, чтобы привлечь к ним внимание... Было бы желательно, если бы рассеянные по книгам и почти потерянные поэтические произведения Опица, Флеминга и других были обнаружены и собраны»⁴. Это обусловило форму представления материала в сборнике Гердера: в кратком примечании он знакомит с забытым поэтом, подтверждением поэтического таланта которого служат стихотворения или отдельные строфы.

Подобное намерение по отношению к Бальде вызрело не сразу.

Имя Якоба Бальде было Гердеру знакомо, о чем свидетельствует сборник «Народные песни» (примечания ко второй части, 1779)⁵. На этом этапе Бальде для Гердера — иезуит, обращение к поэзии которого он, не будучи еще детально знакомым с творчеством поэта, не считал плодотворным и для современников Бальде и сожалел в связи с этим по поводу поэта Эрхарда, следовавшего в своих латинских стихах Бальде.

Спустя короткое время в журнале Бойе «Deutsches Museum» (1. Band, 1781) Гердер опубликовал стихотворение Бальде «Lobgesang auf Maria» в собственном переводе под рубрикой «Andenken an einige deutsche Dichter». В письме к издателю по поводу этого стихотворения Гердер подсказывает возможность интерпретации песни Бальде, «в которой изливается вся сила переполненной души поэта», не с точки зрения религиозной догмы, а с точки зрения поэзии: «Это — гимн, разве не достаточно в нем прекрасных мест, чтобы Вы приняли его к сердцу с поэтической, а не с догматической точки зрения»⁶.

И лишь позже, в 1793—1794 годах, редактируя письма для журнала «Zerstreute Blätter», Гердер уделяет наряду с другими поэтами Тридцатилетней войны (Грифиус, Векерлин) особенно пристальное внимание поэту-католику. Некоторые объяснения тому, какие обстоятельства содействовали занятиям Гердера латинскими стихами Бальде и обусловили причины перемен по отношению к нему, находим в «Воспоминаниях» Каролины Гердер: «Желание перевести стихотворения Бальде возникло по счастливой случайности в то время, когда он чувствовал себя обиженным двором и часто на душе у него было мрачно. А теперь благодаря этой работе он почувствовал в себе новые силы! С такой же радостью, с какой он работал лишь над “Древнейшим” (документом рода человеческого, 1774)

и над “Идеями” (к философии истории человечества, 1784—1791), он был теперь погружен в своего Бальде, — ах! Как он ободрял его и вселял силы благодаря созвучности душ, сходству страданий и скорби! Эти оды одновременно придавали ему мужество, веселое настроение, утешение, омрачали его или вызывали благородный справедливый гнев! Он с ними вставал каждое утро и ложился с ними. Они ободряли его на повседневные дела, а по вечерам вознаграждали его за это... Сколь многое проходило через его душу: тогдашние события, которые так часто запутывались, распутывались и снова запутывались. И над всем этим голос его Бальде, услышанный словно из могилы! А теперь он мог присоединить свой голос к его голосу! Это были болезненные, но и возвышенные чувства!»⁷ (перевод мой. — Т.А.).

Как дорог был Бальде Гердеру, свидетельствует и переписка тех лет. В апреле 1794 года он писал Глейму: «В моих “Разрозненных листках” я разбужу для Вас немецкого Горация... о котором никто в Германии не знает. С великой радостью!». Но для журнала материал оказался слишком объемным и Гердер решил на отдельную публикацию «своего» Бальде. Две первые части появились в 1795 году, а третья часть вышла в 1796 году под общим названием «Терпсихора».

Еще до опубликования работы Гердера Гёте писал в письме к Шарлотте фон Кальб (от 29 апреля 1794 года) о своей уверенности, что «знакомство с этим давно забытым соотечественником будет иметь эпохальное значение для каждого, кто любит поэзию и уважает человечество». И годы спустя (1820) Гёте высоко оценил появление «Терпсихоры»: «Стихотворения Бальде, богатые современным ему содержанием, с ярко выраженным национальным сознанием — всегда ли они желанны? Запутанный войной ход истории нашел в этом поэтическом зеркале свое отражение, и читатель переживает, как будто бы это было вчера — то, что мучило, что пугало наших далеких предков»⁸.

Появление «Терпсихоры» вызвало заметный резонанс в литературных кругах. Некий анонимный критик был удивлен выбором «посредственного» поэта, другие ограничивались оценкой филологического качества перевода Гердера, эстетических достоинств поэзии Бальде. Признанные авторитеты, в частности И.Фр. Рейхард и Фр. Шиллер, в отличие от анонимных критиков, высоко оценили достижения Гердера — переводчика, «подарившего публике наипрекраснейший и богатейший дар» (Рейхард, объявление в его журнале «Deutschland»). И все же Шиллер, в отличие от Рейхарда, не поместил объявление о выходе «Терпсихоры» в своем журнале «Оры», видимо, не сочтя ее актуальной для читателей своего журнала. Отметив «добротность и ценность» переводов Гердера, несмотря на просьбу Гердера дать оценку поэта Бальде, Шиллер уклонился (см. письма Гердера к Шиллеру от 14 мая, 25 ноября 1795 года)⁹.

Свои переводы Гердер снабдил специальными приложениями «О природе и воздействии лирической поэзии» и «О двух главных жанрах лирической поэзии». Три последующих сочинения посвящены вызволению из исторического забвения Якоба Бальде: «Предисловие» (1794), «Кенотаф поэту Якобу Бальде», «Послесловие. Отчет переводчика» (1795). Анонимный рецензент назвал теоретические приложения Гердера «пустыми и бесплодными»¹⁰.

В «Предисловии» Гердер объясняет своим читателям, почему именно этот поэт «достоин знакомства с ними», и выделяет аспекты для оценки Бальде, исходя из задач литературы своего времени: воспитывать и ободрять. Поэтому Гердер подчеркивает наиболее важные качества поэта Бальде: своей поэзией он служил отечеству, правде.

Гердер акцентирует внимание на том, что трагические судьбы Германии определили содержание и тональность его стихов, он являет собой пробуждение национального самосознания («он — немец»), как выразитель духа нации — он «поэт на все времена», мастер лирической композиции, он проповедует и защищает непреходящие нравственные ценности. Гердер утверждает, что латинская поэзия — составная часть национальной поэтической традиции («Ведь это немецкие стихи немецкого поэта!»). Сделать достоянием всех, пробудив его из «латиноязычной» могилы, — что может быть благодарнее этой задачи? Гердер обнаружил нравственно-психологическое напряжение поэзии Бальде, определенную устремленность к консолидации нации.

Среди замечательных литературных памятников, созданных Гердером поэтам прошлого (Гуттен, Векерлин) или своим современникам (Лессинг, Винкельман), особое место занимает «Кенотаф», «воздвигнутый» поэту-иезуиту Якобу Бальде и состоящий из двенадцати небольших глав. Многие мысли, развиваемые Гердером в сочинении о Бальде, узнаваемы по его другим, более крупным и принципиальным произведениям, по переписке. Гердер реализовал здесь свой исторический принцип в анализе конкретного литературного явления. Он еще раз сформулировал ряд тезисов, характеризующих его историзм.

На примере Бальде он рассмотрел проблемы поэтической преемственности, отношение к Античности, проблемы подражания, использование родного языка в качестве поэтического, проблему меценатства с исторической точки зрения, поэтический дар и творческие способности поэта. Мысли из статьи о Шекспире о том, что не образованность делает поэта поэтом, а глубокое внутреннее вдохновение, естественное чувство, находят подтверждение в сочинении о Бальде. Ключ к пониманию поэта — его собственные произведения, отражающие жизненную позицию автора. Гердер считал, что нужно оценивать магистральную линию творчества поэта. Поэтому Бальде для Гердера в первую очередь поэт-патриот, а не

иезуит. Бальде стал для Гердера выразителем трагических конфликтов эпохи XVII века. Он показывает противоречивый, глубокий характер Бальде, вскрывает его поэтическую и человеческую индивидуальность со всеми сильными и отмеченными Гердером слабыми сторонами: усталость, сдача позиций, уход в чистую эстетику.

Сформулированный в письме к Бойе принцип конфессиональной беспристрастности Гердер развивает и в этом сочинении о Бальде. По контрасту с просветительскими идеалами признание эстетической ценности стихов католика-иезуита протестантом Гердером было особенно заметно. Принцип конфессиональной беспристрастности позволил Гердеру сформулировать мысль об «открытости» религиозных символов, об их произвольной читательской интерпретации. По «собственному усмотрению» Гердер предлагает читателю трактовку образа Марии в упомянутом выше стихотворении Бальде: «Если кто-то не желает считать воспеваемую за святую, пусть будет она для него музой нашего поэта, христианской Аглаей или Беатриче, идеалом чистых материнских добродетелей или небесной мудростью»¹¹.

Гердер проводит свой принцип при оценке Тридцатилетней войны¹². В соответствии с этим принципом он стремится представить Бальде «вне всех следов подобных ошибок», «чтобы не выставить гений в его неприглядном виде». Исходя из этого важнейшего принципа, Гердер объяснил свой метод перевода: «сохранить дух, но не слова, вывести пятна времени». Это смелое начинание Гердера положило начало систематическому и вдумчивому изучению и публикации сокровищ национальной поэзии. Таким образом, используя принцип историзма, Гердер показал Бальде и как поэта-мистика, и как иезуита, чтобы раскрыть историческую обусловленность поэта. Однако доминирующим становится поэтический аспект. В несколько апологетической характеристике Гердером поэзии иезуитов проступает в первую очередь литературная оценка «иезуитского искусства», содержащая рациональное зерно для восприятия католической поэзии вне узких рамок клерикального искусства. Поэтому сквозной идеей сочинения является характеристика Бальде как национального поэта-патриота. Гердер провозгласил Бальде «немецким Горацием», поэтом-патриотом Алкеем, прибегнув к именам, более знакомым немецкой публике, ориентированной на древние авторитеты, чтобы наиболее точно оценить масштаб поэта Бальде.

Чувствительная душа самого Гердера проявилась в стиле сочинения. Язык его обладает большим эмоциональным воздействием благодаря особому порядку слов, интонации, ритму и темпу его прозы, которые вместе выполняют экспрессивную функцию. Стиль его «Предисловия» свидетельствует о глубокой взволнованности. Очевидно, что Гердер досадует

на постигшее Бальде забвение. Исследователь постепенно готовит своих читателей к восприятию поэта-иезуита, не называя его имени.

Сочинение о Бальде характеризует самого Гердера как великого патриота своей родины. Рассказывая о жизни и судьбе поэта Бальде, Гердер вместе с ним любуется красотой эльзасских ландшафтов, прекрасными долинами королевского Рейна, возмущается нравами баварцев. С болью Гердер говорит о современном ему состоянии литературы Германии. Говоря об изъянах вкуса Бальде, Гердер намекает на изъяны современности: нормативность искусства, нормативность (догматичность) представлений. Непосредственность переживания, полнота чувств выражаются в многочисленных вопросительных и восклицательных предложениях, выражающих гнев, возмущение, печаль.

Гердер не навязывает однозначного прочтения поэта XVII века, он делится радостью собственного открытия, неоднократно называя его «моим Бальде», приглашая каждого открыть «своего Бальде». Пафос Гердера состоит в том, чтобы по справедливости оценить литературные достижения поэта-патриота.

Мыслями о единстве национальной литературы Гердер прививал уважение к поэтическому прошлому во всех его составных частях, уважение, свободное от религиозных и других предрассудков.

¹ *Sturm und Drang. Erläuterungen zur deutschen Literatur. 5. Auflage.* Berlin, 1978. S. 124.

² *Gёme И.В.* Поэзия и правда. М., 1969. С. 303—304.

³ См.: *Erläuterungen...* S. 88.

⁴ *Herder J.G.* Stimmen der Volker in Liedern. Leipzig Reclam, 1978. S. 157, 381.

⁵ *Ibid.* S. 374.

⁶ *Herder J.G.* Briefe an den Herausgeber des Deutschen Museums. Vierter Brief // *Des Knaben Wunderhorn. Bd. 9. 1. Teil.* S. 330.

⁷ Цит. по: *Johann Gottfried Herder. Denkmale und Rettungen. Literarische Portrats.* Berlin u. Weimar, 1978. S. 366.

⁸ *Ibid.* S. 367.

⁹ *Herders Briefe in einem Band.* Berlin u. Weimar, 1983.

¹⁰ *Johann Gottfried Herder.* Op. cit. S. 366.

¹¹ *Herder J.G.* Terpsichore: 3 Teile. Lübeck, 1797. 3. Teil. S. 202.

¹² *Ibid.* S. 17.

